

ГАЛИНА РОМАНОВА

«СЧАСТЬЕ БУДЕТ»

Галина Владимировна Романова

«Счастье будет»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41542082

Детектив для всех влюбленных : [сборник рассказов] / Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы и др.: Эксмо; Москва; 2019

Аннотация

«– Граждане, оплачиваем проезд! – глухим простуженным голосом потребовал водитель троллейбуса. – Следующая остановка – «Площадь Театральная».

Двери троллейбуса с мягким фырканьем закрылись. Они поехали...»

Галина Романова

«Счастье будет»

– Граждане, оплачиваем проезд! – глухим простуженным голосом потребовал водитель троллейбуса. – Следующая остановка – «Площадь Театральная».

Двери троллейбуса с мягким фырканьем закрылись. Они поехали.

Почему он всегда так говорит? Площадь Театральная, а не Театральная площадь? Станным он ей казался – этот молодой мужчина с простуженным голосом. Высокий, гибкий. Она не раз наблюдала, как он ловко карабкается по лестнице на крышу троллейбуса, когда что-то шло не так. Лицо приятное, интеллигентное, черты тонкие. Ему бы с такой внешностью на площади Театральной работать, в оркестре, например, а не троллейбус водить. Саша еще помнила те времена, когда он одевался в рубашку и галстук. Белая рубашка и черный узкий галстук. Даже зимой из-под тонкой стеганой куртки был виден белоснежный воротничок и тугой узелок узкого черного галстука. Может, он прежде кем-то еще работал? К примеру, учителем или начальником среднего звена? А то и адвокатом. Мог этот парень работать адвокатом? Да кем угодно он мог работать с такими показателями! Потом, в силу каких-то неправильно сложившихся жизненных обстоятельств, он квалификацию поменял, а привычка надевать

белоснежные сорочки с галстуком осталась.

Все могло быть. И такое не исключалось.

Потом, почти полгода назад, наряд у водителя поменялся. Он надел униформу, которую носили все водители их троллейбусного парка. И думать о нем Саше расхотелось. Он для нее превратился в заурядного человечка. А пылить мыслями в их адрес у нее было под запретом.

– «Площадь Театральная», – объявил хриплый голос водителя. – Следующая остановка...

Ей выходить еще не скоро. Еще три остановки. Саша прижалась лбом к теплему стеклу.

За окном троллейбуса навстречу ей бежали заснеженные городские улицы. Снега в этом году выпало много. Его еле успевали убирать. А он все продолжал сыпать, хотя календарной зимы осталось ровно половина последнего месяца. Сегодня как раз четырнадцатое февраля. Ровно половина. Экватор.

– Девочки, руководство решило сегодня отпустить всех пораньше. День всех влюбленных! Думаю, у многих планы, – объявил с ласковой улыбкой перед обедом начальник их отдела – Миша Хитров. – Работаем без обеда до трех. Кто то против?

Все оказались «за». Перспектива смыться пораньше с работы никого не расстроила. Даже у кого не было никаких особенных планов. Как у нее, например. Она обрадовалась, что появится уйма свободного времени, которое она может

посвятить чему-нибудь полезному. Сделает уборку, хотя и не хотелось. Или белье перегладит, гора на гладильной доске выросла внушительная. Или на лоджии разберется, одевшись потеплее, что тоже вряд ли. Ну, или к Тоське пойдет.

Хотя сегодня она к ней вряд ли пойдет. Ее супруг Коля сегодня как раз должен вернуться из очередной служебной командировки. И слушать весь вечер Тоськино с мужем умильное сюсюканье, то еще счастье.

Ладно, займет себя чем-нибудь. Найдет занятие.

– Представляете, Жанна Павловна, это все так! Да!

– Что вы говорите, дорогая Ирина Васильевна? Ужас какой!

Голоса за спиной принадлежали двум пожилым дамам – работницам какой-то страховой конторы. Они ездили с Сашей ежедневно туда-сюда. Заходили в троллейбус утром вместе с ней. Выходили на следующей после ее остановки. Их офис располагался чуть дальше. Вечером все происходило в обратном порядке. Садись они раньше, выходили все вместе. Сегодня, видимо, их тоже отпустили раньше.

В дороге дамы говорили много и громко. И она знала почти все их семейные секреты. Знала имена мужей, детей и внуков. Знала, что у одной дамы, у Жанны Павловны, была собака Ричард. У Ирины Васильевны животных не было. У нее была аллергия на шерсть. И она очень сокрушалась по этому поводу, потому что любила животных. И еще знала, что вне дороги домой и из дома эти дамы практически не

общались. На работе было некогда, да и сидели они в разных кабинетах. После работы пути их расходились возле остановки. Одной было налево. Другой прямо. И выходило, что дружили они только в транспорте по дороге с работы домой и обратно.

Странно. И в то же время славно. Необременительно. Так думала Саша, часто невольно прислушиваясь к их разговорам.

– И зять мой, Жанна Павловна, категорически предупредил меня, а через меня и вас, дорогая, чтобы вы никуда не выходили вечерами в одиночку. И даже собаку принялся выгуливать сам вечерами. А до этого все дочка моя с ней гуляла. Звоню ей вечерами, а она на улице. С собакой!

– А как же мне теперь собаку выгуливать? – Жанна Павловна за спиной Саши сердито засопела. – Меня сменить будет некому. Муж категорически против.

– А вы ему эту историю расскажите, – порекомендовала Ирина Васильевна.

– Скажет, бред!

– Это не бред, скажите ему. Это статистика. За две минувшие недели четыре нападения на женщин вечерами, – голос Ирины Васильевны понизился до громкого шепота. – Три ограбления с нанесением тяжких телесных повреждений. А в одном случае...

Саша не смогла расслышать, как ни старалась, что же такого ужасного случилось в одном из четырех нападений.

Троллейбус как раз остановился, распахивая двери. И тут же хриплый голос водителя принялся объявлять следующую остановку. Снова задом наперед. А потом, когда они уже поехали, дамы неожиданно замолчали. Саша даже подумала, что они вышли. И обернулась.

Нет. Сидят рядышком. Одна в телефоне что-то набирает. Вторая в окошко посматривает.

Через десять минут все они вместе вышли из троллейбуса и каждый пошел своей дорогой.

Ей идти было недалеко. Ее дом смотрел окнами на проезжую часть. Его было видно с остановки. Она жила на третьем этаже. В одном крыле с очень славной девушкой Тосей. Милой, смешливой пухленькой Тосей, очень мечтающей о большой многодетной семье. Именно с этой целью приобрелась большая просторная квартира. Именно с этой целью Тося еженедельно сдавала кучу всяких анализов и покупала груды бесполезных тестов. Дети у них с мужем пока не получались.

Помещения первого этажа их дома были заняты магазинами. Сразу два продовольственных. Один цветочный. Саша посетила все три. Купила маленький милый букетик для себя. Ей нравилось, когда в вазе на обеденном столе стояли живые цветы. И тортик сердечком. Морщась, покупала. Для Тоси. Та очень любила сегодняшней праздник. Украшала квартиру для себя и Коли наряднее, чем в Новый год. И даже шила какие-то странные домашние наряды, с огромны-

ми пурпурными сердцами на животе и спине.

– Бред, – шептала Саша, поднимаясь по лестнице.

Она почти никогда не ездила лифтом к себе на третий этаж. Считала барством и надругательством над собственным здоровьем. А подъем по лестнице, поучала она соседку, это замечательный фитнес.

Она вошла в свою квартиру. Стащила теплые замшевые угги, привычно швырнула кожаную сумку на тумбочку. Вышло, как всегда, громко. И тут же из комнаты привычно раздался скрипучий голос:

– Пробросаешься, Шурка! Дорого!

Она рассмеялась. И отозвалась ворчливо:

– Гошка, замолчи.

– Дорого! – снова проскрипело в ответ.

Саша сняла длинную теплую куртку, повесила на вешалку и пошла в комнату. Клетка с попугаем Гошей стояла на высокой тумбе, сделанной на заказ специально для него. Не ею, покойной бабушкой Софьей. От нее Саше перешла в наследство эта квартира и тумба из красного дерева вместе с попугаем Гошей. Его покойной Софье подарили еще птенцом. Она пестовала его, как ребенка. И воспитала по собственному образу и подобию – высокомерным, ворчливым и невоспитанным.

Первый месяц, когда они начали жить вместе, Саша – честно – хотела от него избавиться. И клетку открывала, выставляя ее на балкон. Гошка не улетал. И родственникам пы-

талась подарить, те отказались. И даже носила в ближайшую школу в живой уголок. Вернули! На третий день!

– Извините, но ваш попугай очень скверно себя ведет, – краснея, призналась биологичка, возвращая клетку с птицей.

– А что он делает? – изобразила изумление Саша, принимая подарок обратно.

– Он сквернословит! – вспыхнула биологичка и, простившись, поспешила уйти.

Саша объявила попугаю бойкот и прекратила с ним всяческое общение. Молча кормила. Молча убирала клетку. Гоша пытался угрожать ей и две недели скрипучим голосом верещал из клетки:

– Шурка! Прокляну! Шурка! Прокляну!

– А я из тебя сварю суп, – не выдержав угроз, пообещала она.

И попугай сдался.

– Гоша хороший, – заныл он. – Гоша хороший...

Отношения наладились. Если Гоша и ворчал, то по-доброму. А вообще, Саше иногда казалось, что он умнее многих людей. Много читала о попугаях подобного типа. Знала, что кроме феноменальной памяти на слова и умения повторять их, они ничем не отличались от попугаев других видов, но все равно верила, что Гошка ее с мозгами почти человеческими.

– Скучаешь, дружок? – Саша сунула палец сквозь прутья

клетки и погладила его по жесткому яркому крылу. – А нас домой раньше отпустили. А чем заняться, не знаю. Что скажешь?

Попугай покосился на нее черной бусинкой глаза и отодвинулся, трижды шагнув по жердочке.

– Ничего не скажешь. Ладно. Сейчас переоденусь и к Тоське пойду. А ты не скучай. Хорошо?

– Тоська дура, – с обидой произнес попугай.

– Молчи у меня! – пригрозила ему Саша пальцем. – Тося мой друг. И хороший человек.

– Тоська дура, – снова проскрипел Гошка. – Гоша хороший. Тоська дура.

– Прекрати ревновать, птица. – Саша рассмеялась, открыла шкаф и принялась рыться в нарядах.

Она и сама не знала, зачем перебирает платья и костюмы. Для визита к соседке сгодились бы стоптанные тапки и спортивный костюм. Но вот Коля!..

Тосин Коля не терпел, когда женщина выглядит как существо бесполое. А Саша с ее короткой стрижкой под мальчика, с размером груди плюс полтора, в спортивном костюме именно так и выглядела. Как мальчик-переросток.

– Я ни разу не видел тебя в платье, Александра, – произнес он чопорно в ее последний визит к ним.

Как раз отмечали Тосин день рождения.

– Это скверно, – добавил он, заставив Тосю смутиться, а Сашу прийти в бешенство. – Одежда женщины призва-

на подчеркивать достоинства и скрывать недостатки. А твои штаны, прости, это не одежда. С этим надо что-то срочно делать. Это скверно.

Чтобы не выглядеть скверно, Саша сняла с вешалки авторское платье, купленное на распродаже. Длина в пол. Плечи и руки открыты. Воротник плотно обхватывает тонкую длинную шею. Повертелась с ним около зеркала.

– Как думаешь, Гошка, Коле понравится?

– Коля сволочь! – внезапно отозвалась птица.

И это было что-то новенькое, потому что она точно про Колю с ним не говорила в таком ключе. А кто? Может, Тося? Может, она подобным образом критиковала своего вечно отсутствующего мужа, когда Саша уезжала на отдых и оставляла ей попугая? А разве она могла? Она же Колю боготворит. Она дуть в его сторону боится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.